

УДК 811.511.21 (16.41.25)

О. В. Сахарова, Ю. А. Зеремская

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЯГОДНОЙ ФЛОРЫ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Представлены результаты тщательной выборки из различных источников всех селькупских наименований, сформировавших в итоге тематическую группу лексики «Ягодная флора». Проведен анализ этих языковых единиц, в результате чего удалось проследить процесс семантического развития и формирования наименований ягод в селькупском языке, а также выделить принцип номинации в каждом случае. При дальнейшем обобщении полученных данных мотивемы, лежащие в основе фитонимов, были оценены по критерию продуктивности. Исследование проводилось с учетом основных положений теории передачи языковой картины мира с помощью символов, которые берут начало в коллективном бессознательном и несут в себе определенные смыслы. Метод компонентного анализа позволил пойти по пути реконструкции мотивем для непроемных наименований и для лексем с древним происхождением. Данный метод предоставил возможность вычленять скрытые в фитонимах элементарные смыслы и на их основе трактовать лексемы.

Ключевые слова: селькупский язык, ягодная флора, фитонимы, этимология, семантическое развитие, принципы номинации.

Селькупы, являясь на современном этапе малочисленным народом, проживают преимущественно в Томской области, в районе правых притоков Оби (Кеть, Тым, Вах), меньшая часть – в Тюменской области и Красноярском крае, в районе бассейна реки Таз и левых притоков Енисея (Турухан, Баиха, Елогуй), в связи с чем выделяют две территориально-изолированные группы: южную (нарымскую) и северную (тазовско-туруханскую).

Растительный покров в данной природной зоне, находясь в зависимости от климатических и почвенных условий, отличается сравнительной бедностью. Среди основных встречающихся на рассматриваемой территории растений немало представителей ягодной флоры как древовидных, так и травянистых: рябина, черемуха, калина, смородина, малина, жимолость, шиповник, бузина, голубика, брусника, черника, клюква, морошка, княженика, костяника, калина.

Безошибочно можно утверждать, что при упоминании слова «ягода» большинство людей испытывает весьма приятные ощущения. Ягоды, которые обладают самой различной формой, цветом, вкусом, являют собой поистине великолепные дары природы, по достоинству оцененные человечеством еще с давних времен. Именно данный факт, имеющий к тому же мощную эмоциональную окраску, побудил внимательнее рассмотреть вопрос о том, какое отражение ягодная флора получила в селькупском языке.

Из доступных источников была проведена максимально полная выборка селькупских наименований, относящихся к соответствующей группе флористической лексики. В результате было выяснено, что группа фитонимов «Ягодная флора» представлена 23 названиями, без учета их фонетических вариантов. Рассмотрим все данные лексемы. Анализ позволяет выявить послужившие для них основой характерные мотивировочные признаки.

Обобщающее значение 'ягода' в селькупском языке заключено в фитониме (С. – L.) нар. *čober*, *č'ober*; кет. *cober*, *cōber*, *cóber*; об. Ч *toóber*; ел. *tjoper*; таз. *čoooper*; *tooper*; (С. WV) кет. *cóber*; ел. *tooper*; *tooper*; таз. *čóper*; об. Ч *tóber*; (Д.) об., кет., вас., тым. *čobir*, *čobər*; об. С, кет. *topir*, кет. *tobar*, *čoppir*, *čopir*, тур. *tobir*, ел. *topr*; (ОЧСЯ) таз. *topyr*; (А1.) кет. *šobər*. Е. А. Хелимский в своей монографии приводит лексему *čopər* 'плод/fruit' [1, с. 213].

Данное слово этимологически не связано с уральским корнем *osa* 'ягода' [2, с. 344] и финно-угорским фитонимом *pola* 'ягода' [2, с. 392].

Сущность общего понятия 'ягода' передается в лексеме об., кет., вас., тым. *čobir*, об. С, кет., таз. *topir* с помощью суффикса *-r*, назначением которого является выражение совокупности, множества каких-либо предметов, явлений. Данный суффикс отличается значительной устойчивостью к процессу выпадения [3, с. 156, 161]. Тем не менее в селькупском языке отмечается редукция форманта в нескольких случаях, в том числе в рассматриваемом наименовании, которое следует отнести к основам на *-i*, сравним: кет., тым. *topi*, *čopi* 'ягода', 'плод' [4, с. 273; 5, с. 56].

В настоящее время не представляется возможным высказать однозначное утверждение о происхождении наименования. Мы можем лишь озвучить свою точку зрения по данному вопросу. Предлагаем опереться на теорию передачи языковой картины мира с помощью символов, берущих начало в коллективном бессознательном, за которыми скрываются определенные смыслы. В этом случае представляется адекватным использование метода компонентного анализа, преимуществом которого является возможность осуществить реконструкцию мотивировочных признаков для непроемных наименований и для лексем, имеющих древнее происхождение. Таким образом, данный метод позволяет трактовать фитонимы путем выч-

ления составляющих их элементарных смыслов. Как отмечает Ю. А. Шведова, языковое значение неотделимо от языкового смысла. Языковой смысл и языковое значение различаются тем, что языковое значение изменчиво, а языковой смысл стабилен [6, с. 435, 436]. Его стабильность гарантирует сохранение фрагмента культуры, связанного с тем или иным элементом фитонимической системы, и передачу его от поколения к поколению.

Итак, при морфемном членении слова (С. – L.) *to-per* можно выделить два компонента. Первый из них материально совпадает с наречием об., кет., вас., тым. *to* ‘прочь’, употребляющимся также превербально со значением ‘удаление’. Второй компонент *per* входит в структуру глаголов об., тым. *pergu*, кет. *pērgu*, об. С *perigu* ‘искать’, кет. *pērgugu* ‘искать’. К числу их общих производных относится превербальный глагол тым. *to pergu* ‘выискивать’, ‘вылавливать (вшей)’, с которым, как мы считаем, вполне могло быть связано появление существительного *to-per* со значением ‘нечто находящее и собираемое’ → ‘ягода (как совокупность)’. Необходимо учесть несомненную близость представлений селькупов о вшах и ягодах, что может быть подтверждено фольклорными данными. Ягоды – неотъемлемые атрибуты многих трав и кустарников, как и вши – «законные обитатели головы и порождение волос», а трава и волосы в селькупском мировоззрении – понятия практически тождественные: «Не могу на огороде равнодушно траву полоть, все мне кажется, будто я у земли волосы ее выдираю» [7, с. 70, 295].

В данном случае остается открытым и вопрос о принципе номинации. Проведенные параллели «травы-волосы» и «ягоды-вши» позволяют говорить о принципе номинации «мифологические представления людей». Однако нельзя исключить и другой принцип номинации – «функция плодов, связанная с употреблением их в пищу», так как в наименовании имеется указание на поиск и сбор ягод. Собирачество, как известно, наряду с охотой и рыболовством являлось одним из важнейших видов деятельности селькупов. По сохранившимся архивным данным все коренное население Томского уезда занималось сбором дикорастущих съедобных растений [8, с. 102].

Принцип номинации «функция ягод, отражающий использование их после сбора для употребления в пищу», как выявилось в ходе дальнейших исследований, оказался характерным и для ряда наименований конкретных представителей ягодной флоры.

Так, селькупское название морошки (С. WV) *palgok*; кет. *palgoj*; ел., таз. *palkoj*; (Д.) об., кет., тым. *paljo*; об. Ш, тым. *palgo*, *palyon*; ел. *palgan*, *palqi*; (ОЧСЯ) таз. *palqak* восходит к финно-угор-

скому слову *pola* ‘ягода’, сравним: *puola* ‘брусника’ в финском языке, *poolas* ‘брусника’ в эстонском языке [2, с. 392]. Разница в корневой гласной объясняется наличием звукового соответствия *a~o* [9, с. 36]. При этом компонент *pol-* присутствует в составе селькупских глаголов об. С, Ч *pōlgu*, об. С, кет. *pōlāgu* ‘проглотить’, ‘обглодать’: об. Ч *mat pōlīmbat čib’ep* ‘я проглотил муху’; вас. *polēd’igu* ‘проглотить’, об. Ш, Ч *polēšpugu* ‘глотать’, об. С *polkugu* ‘обглаживать’. Известно, что морошку, плоды которой созревают в июле-августе, селькупы издавна любили как лакомство и ели эту ягоду только в свежем виде [10, с. 30]. Присутствующие в структуре анализируемого наименования словообразовательные суффиксы *-k* и *-ŋ/-n* функционально тождественны и выражают значение множественности, собирательности, совокупности предметов, явлений, признаков или действий [5, с. 107; 11, с. 8]. Фитоним (Д.) ел. *palqin* ‘земляника’ по своему происхождению полностью соответствует наименованию морошки.

Сходный по своей сути смысл заложен и в лексеме (Д.) об. Ч, вас., тым. *qot*, *qōtā*; об. Ч *kōt*, *kotte*; тур. *kotte*; тым., об. Ч *kode*; кет. *kottj*, *qotta*; об. Ш, Ч, тур. *kodjık*, *kōdjıq*; (ОЧСЯ) таз. *kojil’ topjir* ‘голубика’. Другое их значение – ‘черника’ для следующих фонетических вариантов: (Д.) тым. *god*, *got*, *qotā*, об. Ш *goduq*, *godjıq*, об. Ч, вас. *godā*, об. С *godān*. Фитоним восходит к уральскому корню *kottz* ‘Heidelbeere’ – ‘голубика’ [2, с. 190].

Корень рассматриваемого наименования материально совпадает с лексемами, обозначающими изделия с приспособлениями в виде крючков: об. С, Ш *koda*, об. Ч *qoda*, вас. *kode*, кет. *kota*, тым. *kot*, *got* ‘крючок’, ‘рыболовный крючок, удочка’, ‘багор (вилы с крюком для подводного лова рыбы)’, ‘деревянный крючок (сбивать шишки)»; об. Ч *qot*, *qoč*, об. С *koč* ‘серьга’; тым. *qoč* ‘ловушка’. К их производным относятся существительные тым. *qodeqaj* ‘скребок’, тур. *kodjil’po* ‘багор’, ‘крючок для люльки’; глаголы об. С, Ш *kodalgu* ‘зацепить’, ‘зацепиться’, ‘запнуться’, тур. *kotalıqo* ‘зацепить (багром)’, ‘зацепиться’, ‘закрыть (на крючок)’, об. Ч, тым. *qotaldžugu* ‘зацепить крючком’, ‘споткнуться’, ‘поцарапать’, об. С *kotku* ‘убить’, ‘поймать’. Мы полагаем, что в селькупском языке название голубики (черники) имеет смысловую связь с примитивными захватывающими устройствами, которые аналогичны упомянутым выше. Известно, что с давних времен люди использовали для ручного сбора ягод, прежде всего голубики, черники, брусники, специальные приспособления в виде гребнистых совков для вычесывания ягод с кустов [10, с. 30]. Как видно из представленного лексического материала, вполне отчетливо отмечается направление семантического развития в сторону значения

‘делать припасы’, что подтверждается присутствием анализируемого звукокомплекса в составе глаголов об. Ч *kod-βamnebugu* ‘заготавливать’, об. Ш, Ч, вас. *kod-eβamdzəgu*, об. Ш *kod-ofβimdzigu*, кет. *kod-βamčuku* ‘приготовить’, ‘заготовить’, ‘запасти’, а также материальным совпадением его еще с одной лексемой тур., ел. *kota*, тур. *qota*, ел. *qote*, об. Ч, кет. *koča*, об. С, Ш, Ч *kožza*, об. Ш, тым. *godža* ‘мешок’. Таким образом, считаем, что в наименовании голубики и черники отразилось значение данных ягод для жизни и питания селькупов.

Данный принцип номинации характерен и для другого названия черники: (Д.) об. Ч *kβārəmdžə*, тым. *kβārəndža*, об. Ш *kβiřimdzə*, вас. *kβērenžak*, об. Ш *qβerəndža*, тым. *qβernədzak*, об. Ш *qβorəndžə*, об. С *qβerəl čobər*, тур. *keřimda*, ел. *qirjinda topr*, (ОЧСЯ) таз. *kəřintä*. В этом случае отмечается материальное совпадение с лексемами об. Ш, Ч *koromdže* ‘лукошко’, ‘корзина’: об. Ч *tab kβārəmdžop koromdžendə pannid* ‘она чернику в лукошко положила’; вас. *qoromdže*, тым. *qorumdže*, об. Ч *qorəndže* ‘лукошко’, ‘коробичка (из бересты)’; тым. *korndža* ‘сосуд (из бересты, наливать воду)’. При морфемном членении анализируемых слов выделяются фонетические варианты суффикса взаимной связи *-sa-*, который при дополнении его другим древним словообразовательным суффиксом *-k* приобретает форму *-sak* (*-žak*, *-džak*) со значением собирательной множественности [12, с. 35]. Основа рассматриваемых наименований вычленяется в структуре глаголов об. Ш, Ч *kərgu* ‘ободрать’, об., вас., ел. *kjriřu* ‘поранить’, ‘ободрать’, кет. *qiriřu* ‘промышлять’, об. Ч, вас. *qiriřkugu* ‘обдирать’, кет. *qiriřil d’igu* ‘быстро ободрать’ (вспомним способ сбора черники с помощью специального совка с зубчиками). Следовательно, для названия черники можно выделить значение ‘результат промысла’, ‘сбор’, что передает немаловажную роль ягоды в составе пищевого рациона селькупов.

Вышеизложенные результаты анализа ряда лексем свидетельствуют о том, каким образом идея необходимости сбора ягод и создания припасов для питания нашла свое отражение в селькупском языке. Для дальнейшего развития этой мысли представляет интерес еще один фитоним. Это составное наименование (Д.) ел. *qapti topr*, *qaptel’ topr* ‘черной смородины ягода’, где первое слово указывает на принадлежность к растению: об., вас., тым. *kapte*; кет. *kjpte*, *kopti*, *qepti*, *qəpti*; тур. *kepti*; ел. *kjpte* ‘смородина’; об. Ш, Ч, вас., тым. *qapte*; об. С, кет. *qapti*; таз. *kəptä* ‘черная смородина’. Следует заметить, что основа материально совпадает с селькупской лексемой об. Ч, ел. *qopt*, тур. *qopti* ‘самец оленя’, ‘кастрированный бык’. Данный зооним, как и нганасанский *kopta’a* ~

koptaj ‘кастрированный олень’, энецкий *kate’o*, ненецкий *хабт*, *xāpt*, имеет прасамодийскую реконструкцию **kāptə* [13, с. 60]. Прасамодийский глагол ‘кастрировать’ также имеет вид **kāptə-* с соответствиями по всем самодийским языкам: *xāptā* в ненецком, *koptar* в селькупском, *kubtu’ama* в нганасанском, *kattujabo* в энецком. Можно предположить путь становления указанных современных существительных со значением ‘кастрированный олень’ (‘кастрированный бык’) из глагола ‘кастрировать’ через наречие с добавлением суффикса (*-’a* в нганасанском, *-’o* в энецком) или без него (как в ненецком языке). В этом случае компонент ‘олень’, ‘бык’ выражен только семантически, без соответствующего форманта в слове.

Дальнейший анализ показывает, что прасамодийский глагол **kāptə-* ‘кастрировать’ восходит к пратюркскому **kapty* ‘защипывать’. Это стало результатом самодийско-тюркских языковых контактов, которые имели место в первые века нашей эры, в результате продвижения тюрков на север, в степную и лесостепную зону Западной Сибири [14, с. 306]. Переняв у тюрков приемы скотоводства, самодийцы стали применять их в домашнем разведении оленей.

Предложенная нами семантическая связь наименований ‘смородина’ об., вас., тым. *kapte*; об. Ш, Ч, вас., тым. *qapte* у селькупов с пратюркским **kapty* ‘защипывать’ не лишена оснований. Во-первых, считаем, что дальнейшее семантическое развитие указанное тюркское заимствование получило в селькупском языке в идее затухания, сравним: об. Ш *kapřigu*, об. С *kapř’egu* ‘потушить’, об. Ш *kāptid’igu* ‘угаснуть’, кет. *qabdigu*, *qabdəgu* ‘закоптиться’, вас. *qaptešpugu* ‘затухать’, то есть приобрести темный оттенок. Это значение могло в последующем проявиться и в наименовании ягоды, передавая черный цвет плодов. Однако идея затухания, связанная в своем истоке с процессом кастрации, имеет и более глубокий смысл – угасание, прекращение рода. Во-вторых, возможно также предположить, что исходное понятие ‘защипывать’ (‘кастрировать’) могло на определенном этапе развития селькупского мировоззрения трансформироваться, обозначив еще и способ собирания ягод путем очищения стебля от плодов движением руки, плотно прижатой к стеблю, или попросту путем срывания ягод с ветки. Данное направление семантическое развитие также вполне могло получить в наименованиях смородины. Более того, аналогичные примеры в языкознании известны. Так, в русском языке наименование ‘брусника’ этимологически связано со словами бруснуть ‘срывать с ветки ягоды’, обрусить ‘ободрать с куста ягоды’ [15, с. 215].

Однако для заготовки ягод значение имеют не только пригодность в пищу и способ собирания

плодов, но также время и место. Данные принципы номинации, как показал анализ, тоже легли в основу некоторых фитонимов из группы «Ягодная флора».

Так, название клюквы (Д.) об. *arat čobir*, буквально осень=ягода указывает на время созревания и сбора ягод: об. Ш, Ч, тур. *arat* ‘осень’, что соответствует этнографическим данным, освещающим жизненный уклад селькупов [10, с. 31].

Составное наименование (Д.) кет. *ńaran čobar* ‘морозка’, буквально болота=ягода (тундры=ягода) содержит в себе указание на излюбленные места произрастания растения: об., вас., тым. *ńar*, кет. *ńarri*, *ńarrə* ‘болото’, ‘тундра’. Аналогично и буквальное значение лексемы (Д.) об. Ч *ńar čobur*, тур. *ńar topir* ‘брусника’ – болото=ягода. Кусты брусники, как и морошки, могут встречаться на торфяных болотах.

Место произрастания звучит и в фитониме (Д.) ел. *madžet topir* ‘красная смородина’, где об. С, Ш *mad*, об. Ч *madž*, кет. *mat*’i, тур. *mač* ‘тайга, лес, хвойный лес’, поэтому название имеет буквальное значение ‘лесная ягода’. Первое его слово восходит к уральскому корню *majd*’a ‘Wald – лес’ [2, с. 263] и прасамодийскому *mo ‘сук, ветка’, сравним: якутское слово *mas* ‘дерево, древесина’ [16, с. 54–55], ненецкие *мо* ‘сук’, *мосавэй* ‘суковатый, сучковатый’, *мадор* ‘лесная чаща’ [17, с. 217, 258, 260].

В составе следующей подгруппы рассмотрим те наименования, появление которых связано с такими мотивировочными признаками, как цветные, вкусовые и морфологические особенности плодов.

В фитониме (Д.) об. С *sey čobər*, *säy čobir*, *šēya čobər*, тым. *säyə čobər*, кет. *säčobər*, *sētšopər*, *sēdobar* ‘черника’ реализовано указание на присутствие оттенка черного, темного цвета, характерного для ягод, за счет прилагательных об. С, тым. *säy*, кет., тым. *säyə*, кет. *sēy*, *sēgə*, *segj*, об. С, Ш *sēq* ‘черный’ и сформировавшихся на их основе компонентов.

Принцип номинации «цветовые признаки ягод» относится также к составному наименованию (Д.) об. Ш *ńarəgo čobər* ‘красная смородина’ с той лишь разницей, что в данном случае подчеркнут красный цвет реалий за счет лексемы кет. *ńarəgə*, об., кет., вас., тым. *ńary*, *ńaryə* ‘красный’, ‘рыжий’.

Это прилагательное встречаем и в фонетических вариантах фитонима (Д.) об. Ч *ńarga čobər*, об. Ч, тым. *ńargu čobər*; (ОЧСЯ) таз. *ńärqy topyr* ‘брусника’: об., кет., тым. *ńarg*, *ńarga*, *ńargu* ‘красный’. В тазовском диалекте данное значение передает слово *ńärqy* [1, с. 138; 18, с. 25]. Да, брусника – в буквальном смысле яркое растение. Красный цвет ее ягод бросается в глаза: летом – на фоне

окружающей зелени, а осенью – на фоне выпавшего снега, под которым плоды брусники способны сохраняться до весны.

В селькупских диалектах имеются фонетические варианты наименования ягоды черемухи: (Д.) об. Ч, вас. *čəβ*, тым. *čəββ*, *čəβ*, об. Ч *čeu*, кет. *čib*, *čibə*, об. С *t’ib*, об. С, кет. *t’ibə*, кет. *t’ibβi*, *t’ubə*, которые отличаются от наименований плодящего ее дерева: вас. *mug’əšaqit kojak*, *čəβər βadikar* ‘в черемухнике хожу, черемуху собираю’; об. Ч *mat čəqolbal čəβ aβ’əšpəndak* ‘я толченую черемуху ем’; об. С, кет. *moγəlpədi t’ibə* ‘толченая черемуха’. Среди перечисленных вариантов выделяются лексемы с анлаутным *č* и с анлаутным *t*. Однако известно, что *č~t* представляет собой ряд звуковых соответствий [9, с. 41]. В фонетических вариантах имеют место и различия корневого гласного. Обращает на себя внимание материальное совпадение в пределах одного диалекта, а также в разных диалектах наименований ягоды черемухи с рядом других лексем: 1) об. Ч, вас. *čəβ* ‘черемуха’ – об. Ч, вас. *čəβ* ‘клей’; кет. *čib* ‘черемуха’ – об. Ч *čib* ‘клей’; 2) об. Ч, вас. *čəβ* ‘черемуха’ – об. Ч, вас., тым. *čəβ* ‘глина’; 3) кет. *čibə* ‘черемуха’ – об. Ч *čibə* ‘грязь’: *čibəl* ‘грязный’; *čibəŋ* ‘грязно’; *čibərgu* ‘испачкать’; *čibərambugu* ‘испачкаться’, ‘быть грязным’. Подобное совпадение позволяет предположить отражение в названии вяжущих (вкусовых) и красящих свойств ягод черемухи при их употреблении в пищу.

Первое слово составного наименования (Д.) тур., ел. *kotel topir*, ел. *qotel topir* ‘костяника’ заканчивается суффиксом *-l* и представляет собой имя прилагательное, образованное в данных говорах от существительного тур., ел. *kota*, тур. *qota* ‘мешок’, поэтому рассматриваемое название можно трактовать как ‘мешочная ягода’. Это вполне адекватная характеристика для сборного плода костяники, состоящего из нескольких плодиков, внутри каждого из которых имеется крупная косточка, покрытая снаружи небольшим слоем мякоти, как мешком. Фитоним, таким образом, представляет собой пример того, как естественно-биологические (морфологические) особенности плодов могут быть выражены непрямым способом.

Еще одно составное наименование – (Д.) об. Ш, Ч *šid čobər* ‘малина’. При этом первое слово сопоставляется с лексемой об. Ш, вас. *šide* ‘сердце’: вас. *na qunan šidet fa ek* ‘у этого человека сердце хорошее’. Визуальное восприятие плодов малины подобному сравнению вполне может соответствовать. В результате можно говорить о том, что в наименовании об. Ш, Ч *šid čobər* ‘малина (ягода)’ – буквально сердце=ягода – также нашел отражение принцип номинации «морфологические особенности плодов» с помощью непрямого способа номи-

нации путем соотнесения с органом тела человека на основе внешнего сходства. Подтверждение нашему суждению о происхождении данного фитонима можно найти в работе А. В. Байдак, показавшей, что функционирование антропоморфных метафор является довольно характерной особенностью селькупского языка [19, с. 14].

Как и для плодов малины, в селькупском языке зафиксировано всего одно название жимолости: (А1.) кет. *küjika*. В Сибири распространены такие виды, как жимолость золотистая, жимолость обыкновенная, жимолость татарская, жимолость черная, жимолость съедобная и другие. Плоды представлены ягодами, которые у большинства видов (например, у жимолости обыкновенной, татарской) несъедобны. Данный факт объясняет наличие у рассматриваемого фитонима второго зафиксированного от информантов значения ‘волчья ягода’, относящегося к одному конкретному виду – жимолости обыкновенной и подчеркивающего признак несъедобности для человека.

Однако основой номинации ягоды в селькупском языке, как мы считаем, послужил другой признак. При анализе наименования кет. *küjika* обратимся к морфемному членению. Первый компонент *kü* в том же кетском диалекте материально совпадает с лексемой кет. *kü* ‘пояс’, а с учетом звуковых соответствий в других диалектах – со словом об. Ш *kö* ‘ремень’. Заметим, что ‘пояс’, ‘ремень’ не просто имеют отношение к предметам одежды, они ассоциируются с наличием некой связи, привязанности. Данное значение прослеживается в существительном кет. *küjaŋ* ‘ковш’ – буквально опоясанный (связанный) рот, где кет. *āŋ* ‘рот’, в послелого об. С *köyün* ‘около чего-либо’: *kbačə amdə kbain köyün* ‘город стоит на реке (около реки)’. В качестве второго компонента в рассматриваемом фитониме выступает суффикс *-kV (-gV)*, являющийся показателем двойственного числа, для примера: *na šedj qur-qa řirjŋ ejaq* ‘Эти два человека злые’. В уральских языках источником данного суффикса считается числительное **kakte* ‘два’ [12, с. 46].

Таким образом, наименование (А1.) кет. *küjika* можно интерпретировать буквально как ‘связанные-двое’, объяснение чему мы находим, обратившись к морфологии растения. Произрастающие в пределах ареала проживания селькупов виды жимолости (жимолость обыкновенная, жимолость золотистая, жимолость черная) отличаются своими характерными эффектными плодами в виде попарно сросшихся у основания ягод.

Следовательно, в селькупском языке фитоним (А1.) кет. *küjika* ‘жимолость’ – еще один пример соответствия принципу номинации «естественно-би-

ологические (морфологические) особенности плодов».

Для наименования следующего представителя ягодной флоры – (Д.) вас. *qaračobər, karačobər*, об. Ш *qaračobər*, тур., ел. *karat tobjir*; (ОЧСЯ) таз. *qarat topjir* ‘клюква’ – характерен другой принцип номинации – «соотнесение растений с определенными видами птиц», сравним: об. Ш, тур., ел. *kara*, об. С, Ч, тур. *qara*, кет. *qarā* ‘журавль’. Для фитонима таз. *qarat topjir* А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина дают значение ‘журавлиная ягода’ [18, с. 46]. Следует отметить, что и в славянских языках клюква носила название ‘жеравица’, ‘журавлина’ [15, с. 210, 219], очевидно, потому, что и журавль, и клюква встречаются на болотах. В составном наименовании (Д.) об. Ш *karan aps*, кет. *karan apsoṭ, haran apsoṭ* ‘клюква’, буквально журавля еда, присутствует дополнительное смысловое значение съедобности за счет существительного об., тым. *aps*, об. С, кет. *apsoṭ* ‘еда’. Фитоним (Д.) ел. *čingə topr* ‘клюква’, содержащий в своем составе лексему кет., ел. *čingə*, тым. *čing* ‘лебедь’, ‘гусь’, также соответствует по мотивировочному признаку перечисленным выше наименованиям.

Аналогичное соотнесение ягодных растений с определенными видами птиц присутствует в лексемах (Д.) об. Ш, Ч *šund'ekjŋ čobjir*, тым. *šend'aqa čobər*, об. Ш *šend'eqqa čobər* ‘земляника’, ‘костяника’, об. Ч *šönd'aqa čobər* ‘земляника’, об. С *šind'eka čobjir*, об. Ш *šind'eqa čobər* ‘костяника’, таз. *šüncjkal' topjir* ‘земляника’, сравним: об. Ш, Ч, вас. *šund'eka* ‘птица’, тым. *šend'aq*, об. Ш *šönd'aqa* ‘птичка’. В тазовском диалекте *šint'a'ka, šüncaka* ‘воробей/sparrow’ [1, с. 171]. Следует заметить, что фитонимы в данном случае могут нести в себе различные смысловые значения: небольшие размеры растений и плодов или съедобность ягод для птиц.

В рассматриваемую подгруппу следует отнести и еще одну лексему – (Д.) кет. *qbořin čobər* ‘воронья ягода’, состоящую из существительных: кет., вас., тым. *qbořa* ‘ворона’ в родительном падеже и об., кет., вас., тым. *čobjir, čobər* ‘ягода’. В данном случае можно полагать, что название обусловлено признаком несъедобности ягод для человека. Для сравнения: в русском языке вороньими ягодами называют вороний глаз четырехлистный и купену лекарственную, способные вызвать при приеме внутрь симптомы отравления.

Ранее, рассматривая фитоним с обобщающим значением ‘ягода’, мы упоминали принцип номинации «мифологические представления людей». Данный принцип номинации, как показали исследования, имеет непосредственное отношение к становлению некоторых наименований ягодной флоры в селькупском языке.

Одно из них – наименование (Д.) кет. *mando*, *mandu*, об. Ш *mandat čobjr* ‘брусника’. Оно имеет параллели в других самодийских языках, для сравнения: в ненецком языке *ман*”(с) ‘совокупность чего-либо (глыба, куча, ком, клубок)’, *мандал*”(д) ‘совокупность собранных вместе однородных предметов (куча камней, стадо оленей, группа людей, косяк рыбы)’. Отмечается также материальное совпадение лексем кет. *mando* с пра-гунгусо-маньчжурским *mandu ‘совокупность’, сравним: *мандо*/у ‘стая (птиц)’ в нанайском языке, *ман* ‘стая (птиц)’, ‘толпа’ в эвенкийском [16, с. 113]. В архивных данных зафиксировано ненецкое название *манто* (*манду*) для племени тундровых (хантайских) энцев [8, с. 136]. Можно говорить о том, что фитоним кет. *mando*, *mandu*, об. Ш *mandat čobjr* ‘брусника’ имеет древний источник происхождения. Заключенный в нем смысл – ‘совокупность’, то есть ‘род’, ‘семья’.

Другое наименование – (Д.) тым. *saña* ‘ягода рябины’ – является производным образованием от лексемы об. С *sañ* ‘пуповина’. Возможно, грозди ярко-красных рябиновых ягод чем-то напоминали селькупам плаценту (детское место), имеющую дольчатое строение. Сравним с глаголами кет. *san-argu*, *san-ergu*, *san-ərgu* ‘баловаться’, где второй компонент сопоставляется с тым. *irgugu* ‘сбиться с дороги’, ‘потеряться’; *ərečugu* ‘потерять’, ‘потерять сознание’ (возможно, связь). Таким образом, наименование ягоды рябины *saña* несет в себе символ еще не появившейся на свет души. Наш вывод находит подтверждение в том, что рассматриваемая лексема входит в составное наименование *šun̄tpi pudžel pje ~ šun̄tp’i pučaj pje* ‘дерево с дуплом’, в дупле которого, согласно картине мира селькупов, хранятся души до момента их рождения [20, с. 138]. Принцип номинации в данном случае – «мифологические представления людей».

В селькупском языке имеется еще одно наименование ягоды рябины. Лексема (Д.) кет. *sajban čobar*, *sajpan čobar* ‘ягода рябины’ – буквально рябиновая ягода – является производной от наименования дерева рябины: кет. *saip*, *sajba*, *sajbo*, *sajbat po* ‘рябина (дерево)’. Пытаться выявить в данном фитониме более глубокий смысл не представляется актуальным, так как в качестве составного наименования оно сформировалось в более поздний временной промежуток в историческом плане на базе уже имеющихся понятий.

Итак, анализ 23 наименований ягодной флоры селькупского языка позволил выявить 8 принципов номинации, которые легли в их основу. По критерию продуктивности мотивемы могут быть представлены в порядке убывания следующим образом: функция ягод, связанная с их сбором и употреблением в пищу (5 фитонимов), соотношение ягодных растений с определенными видами птиц (5 наименований), цветковые признаки ягод (3 фитонима), морфологические особенности плодов (3 наименования), место произрастания растения (2 фитонима), мифологические представления людей (2 наименования), время созревания и сбора ягод (1 фитоним), вкусовые свойства ягод (1 наименование). Непрямой способ номинации следует признать доминирующим (16 фитонимов), что свидетельствует об ассоциативном мышлении селькупского народа и о связанных с этим больших внутренних возможностях селькупского языка для вербального обозначения предметов и явлений объективной действительности. Подобные исследования номинации тематических групп лексики могут способствовать расширению имеющихся представлений о закономерностях образования языковых единиц в селькупском языке.

Сокращения

вас. – васюганский диалект; ел. – елогуйский говор; кет. – кетский диалект; нар. – нарымский диалект; об. – обский ареал (об. С, Ш, Ч); об. С – обские говоры Сюсюкум; об. Ч – обские говоры Чумылькуп; об. Ш – обский говор Шёшкум и Шёшкуп; таз. – тазовский диалект; тур. – туруханский говор; тым. – тымский диалект; Д. – материалы научных экспедиций под руководством профессора А. П. Дульзона; ОЧСЯ – Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Изд-во Московского университета, 1980. 412 с.; Al. – Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki, 2004. 466 S.; С. – L. – M. A. Castrén und T. Lehtisalo. Samojedische Sprachmaterialien. Helsinki, 1960, Suomalais-Ugrilainen Seura. 462 S.; C.WV-\$5.A. Castrén. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen sprachen. St. Petersburg, 1855.

Список литературы

1. Helinski E. The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983. 269 p.
2. Rédei Károly. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.
3. Серебrenников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. 352 с.
4. Erdélyi István. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas dialect. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969. 316 s.
5. Сатеева Э. В. Основообразующие суффиксы имени существительного в селькупском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 167 с.
6. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2002. 640 с.

7. Тучкова Н. А., Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Ким-Малони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Мифология селькупов: научное издание / научн. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 382 с.
8. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 623 с.
9. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft VII. Tallinn, 1971. № 1. S. 35–43.
10. Пелих Г. И. Селькупы XVII века: очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, 1981. 177 с.
11. Кюннап А. Ю. Склонение и спряжение в самодийских языках (сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 26 с.
12. Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. I. Томск, 1995. 292 с.
13. Jahnunen Juha. Samojedischer Wortschatz. Helsinki, 1977. 186 s.
14. Künnap Ago. Рецензия на: Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. 638 с. // Linguistica, Uralica. Tallinn, 2000. Bd. XXXVI. № 4. S. 306–309.
15. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 258 с.
16. Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. Институт филологии Сибирского отделения РАН; Universität Hamburg. Institut für Finnougristik / Uralistik. М.: Языки славянской культуры, 2007. 256 с.
17. Ненецко-русский словарь / сост. Н. М. Терещенко. М.: Советская энциклопедия, 1965. 942 с.
18. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. 412 с.
19. Байдак А. В. Метафоры и образные схемы в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Томск (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology), 2013. Вып. 2 (2). С. 9–15.
20. Быконя В. В. Фрагменты духовной культуры селькупов в наименованиях мифических образов // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2006. Вып. 4 (55). С. 133–140.

Сахарова О. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: sakharova.o.v@mail.ru

Зеремская Ю. А., кандидат филологических наук, доцент.
Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
Ул. Усова, 9/4, Томск, Россия, 634034.
E-mail: zeremskayajua@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17.10.2014.

O. V. Sakharova, Yu. A. Zeremskaya

ORIGIN OF SELKUP NAMES OF BERRIES

The article describes the origin of berry terminology in Selkup. Results of full collection of selkup words belonged to the subject lexical group “berry flora”. The analysis of these linguistic units allows tracing the development process and name formation of berries in selkup language and also to single out the principle of naming units. Further data integration makes it possible to examine the semes which are the bases of naming flora lexemes according to productivity criterion. The study was carried out due to the theory of transferring linguistic world image with the help of symbols taken from collective unconsciousness and kept the meanings of world image. The method of component analysis which reconstructed the meanings of unproductive naming units was used for analyzing. This method allows explaining the meaning of berry flora words with the help of dividing lexemes into small meaningful units. Twenty three selkup berry flora words were analyzed and there were eight principles of naming units that formed such groups as berry functioning connected with its picking up and using as a food, connection of some berries with certain kinds of birds, colour characteristics of berries, mythological ideas of selkup people, curing period and berrying, taste properties of berries. Indirect way of naming berries is dominated and underlines associative thinking of selkup people.

Key words: *selkup language, berry flora, phytonyms, etymology, semantic development, principles of naming units.*

References

1. Helimski E. *The Language of the First Selkup Books*. Szeged, 1983. 269 p.
2. Rédei Károly. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1988.
3. Serebrennikov B. A. *Veroyatnostnye obosnovaniya v komparativistike* [Random grounds of comparative linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 352 p. (in Russian).
4. Erdélyi István. *Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas dialect*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1969. 316 S.
5. Sateeva E. V. *Osnovoobrazuyushchie suffiksy imeni sushchestvitel'nogo v sel'kupskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Thematic noun suffixes in a selkup language. Thesis candidate of philol. sci.]. Tomsk, 2006. 167 p. (in Russian).
6. Shvedova N. Yu. *Russkiy yazyk: Izbrannye raboty* [Russian language: Selected works]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2002. 640 p. (in Russian).
7. Tuchkova N. A., Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Kim-Maloni A. A., Glushkov S. V., Baydak A. V. *Mifologiya sel'kupov: Nauchnoe izdanie* [Selkup mythology: Research work]. Tomsk, Tomskiy Universitet Publ., 2004. 382 p. (in Russian).
8. Dolgikh B. O. *Rodovoy i plemennyoy sostav narodov Sibiri v XVII veke* [Tribal and family structure of Siberians in XVII century]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 623 p. (in Russian).
9. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. *Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft VII*. Tallinn, 1971, № 1, pp. 35–43.
10. Pelikh G. I. *Sel'kupy XVII veka: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [The Selkups in XVII century: essay of social and economic history]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 177 p. (in Russian).
11. Kyunnap A. Yu. *Sklonenie i spryazhenie v samodiyskikh yazykakh (sravnitel'no-istoricheskiy analiz pervichnykh slovoizmenitel'nykh suffiksov): avto-ref. dis. ... kand. filol. nauk* [Declension and conjugation in Samoyedic languages (comparative and historical analysis of primary inflectional suffixes). Abstract of thesis candidate of philological sci.]. Tartu, 1974. 26 p. (in Russian).
12. Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Il'yashenko I. A. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnye dialekty. Chast 1* [Morphology of selkup language. South dialects. Vol. 1]. Tomsk, 1995. 292 p. (in Russian).
13. Jahnunen Juha. *Samojedischer Wortschatz*. Helsinki, 1977. 186 p.
14. Künnap Ago. Retsenziya na: E. A. Khelimskiy. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i*. Moscow, 2000. 638 p [Referee report on: Helimski E. A. Comparative linguistics, Uralica studies. Lectures and research papers. Moscow, 2000. 638 p.]. *Linguistica, Uralica*. Tallinn, 2000. Bd. XXXVI. № 4. pp. 306–309.
15. Merkulova V. A. *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy* [Essay on Russian folk plant list]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 258 p. (in Russian).
16. Anikin A. E., Khelimskiy E. A. *Samodiysko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie svyazi* [Samoyedic and tungusic lexical connections]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2007. 256 p. (in Russian).
17. *Nenetsko-russkiy slovar'* [Nenic-russian dictionary]. Pod. red. Tereshchenko N. M. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ., 1965. 942 p. (in Russian).
18. Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essay on selkup language. Tas dialect]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1980. 412 p. (in Russian).
19. Baydak A. V. Metafori i obraznye skhemy v sel'kupskom yazyke [Metaphors and pattern schemes in Selkup]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 2 (2), pp. 9–15 (in Russian).
20. Bykonya V. V. Fragmenty dukhovnoy kul'tury sel'kupov v naimenovaniyakh mificheskikh obrazov [Fragments of spiritual selkup culture in naming units of myth characters]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2006, no. 4 (55), pp. 133–140 (in Russian).

Sakharova O. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: sakharova.o.v@mail.ru

Zeremskaya Yu. A.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Ul. Usova, 9/4, Tomsk, Russian Federation, 634034.

E-mail: zeremskayajua@yandex.ru